

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОТИВА ИНИЦИАЦИИ
В УКРАИНСКОМ И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ РОМАНЕ
ВОСПИТАНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

ОЛЬГА ЧИК

Кременецкая областная гуманитарно-педагогическая академия им. Тараса Шевченко

Кафедра немецкой филологии

ул. Лицейная, 1, г. Кременец, Тернопольская обл., 47009, Украина

e-mail: olga_chyk@meta.ua

(получено 14.06.2015; принято 17.10.2015)

Abstract

**The typological features of the initiation motif functioning
in the Ukrainian and German Bildungsroman
of the second half of the nineteenth century**

The author analyzes the typological features of the initiation motif in the 2nd half of the 19th century. Ukrainian and German Bildungsroman on the basis of novels by A. Svydnytskyi, I. Nechui-Levytskyi, G. Keller, W. Raabe, and Th. Fontane. Special attention is paid to the genre function of the initiation motif. The initiation motif organizes the Bildungsroman plot, and has a decisive influence on the formation of the personalities of the main characters that changed in the process of passing this ritual.

Key words

Initiation, ritual, rite, motif, the Bildungsroman.

Резюме

В статье автор анализирует типологические особенности функционирования мотива инициации в украинском и немецкоязычном романе воспитания II-й пол. XIX в. на материале романов А. Свидницкого, И. Нечуй-Левицкого, Г. Келлера и Т. Фонтане. Особое внимание уделяется жанрообразующей функции мотива инициации в исследуемых произведениях. Мотив инициации организует сюжет произведений и принципиально влияет на формирование характера главных героев, которые в процессе прохождения этого ритуала внутренне меняются.

Ключевые слова

Инициация, ритуал, обряд, мотив, роман воспитания.

Мифопоэтика романов воспитания связана с творческой трансформацией ритуала инициации. Учитывая, что этот обряд является существенным для романа воспитания, целесообразным представляется его анализ в произведениях Анатолия Свидницкого *Люборацкие* (1861–1862), Ивана Нечуя-Левицкого *Облака* (1874), Готфрида Келлера *Der grüne Heinrich* (1884) и Теодора Фонтане *Effi Briest* (1894–1895). Компаративное сопоставление особенностей функционирования мотива инициации в произведениях украинских и немецкоязычных писателей второй половины XIX в. позволит глубже и полнее раскрыть как типологические аналогии, так и различия в жанровой системе романов воспитания в украинской, швейцарской и немецкой литературах.

Мы считаем, что типологическое сравнение аспектов художественного функционирования ритуала инициации целесообразно проводить исходя из идей антропологов и литературоведов, которые исследовали мифопоэтику, ритуальную символику и особенности воплощения мотива инициации в художественных произведениях. Важными для нас являются, в частности, труды Арнольда ван Геннеп, Мирча Элиаде, Джозефа Кэмпбелла, Владимира Проппа, Джеймса Джорджа Фрейзера и др. Исследуемые произведения Свидницкого, Нечуя-Левицкого, Келлера и Фонтане еще не рассматривались в мифопоэтическом и компаративном аспектах.

Целью данной статьи является компаративный анализ одного из важнейших элементов ритуальной символики в романе воспитания — мотива инициации. К задачам нашего исследования относим определение ритуала инициации и рассмотрение особенностей изображения инициации в исследуемых романах.

Елеазар Мелетинский в труде *Поэтика мифа* рассматривает роман воспитания как характерную жанровую разновидность повествовательной литературы Нового времени. Роману воспитания, по его мнению, присуща тема ини-

циации (ритуального перехода юноши в категорию мужчин племени), которая может воплощаться в произведении в виде традиционного обряда или живого сражения героя с действительностью своего времени, в результате чего вырабатывается его характер и мировоззрение¹. Ученый находит корни романа воспитания в немецкой средневековой литературе, а именно в рыцарском романе Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» (1200–1210). По мнению Мелетинского, традиционная структура куртуазного романа в этом произведении, исходя из волшебной сказки (об инициировании в волшебной сказке, как известно, аргументировано писал Пропп²) и мифов, показывая специфические черты посвящения в рыцари и рыцарские ордена, решает в конечном итоге более высокую задачу изображения поисков настоящего рыцарского и христианского пути простого юноши³.

Действительно, инициационные мотивы, образующие рыцарский роман и героическую сказку, построены как серия испытаний героя — сначала формальное посвящение в рыцари, участие в рыцарских турнирах и завершение экзаменов временным пребыванием в удивительных мирах, где испытания приобретают жестокий характер и рыцари проходят через стадию временной смерти⁴. Такое строение произведения напоминает структуру инициационных испытаний в романах воспитания.

Как заметил Мелетинский, использование универсального ритуально-мифологического обряда инициации характерно для модификаций романа воспитания нового времени — в романах Томаса Манна и Джеймса Джойса. А во многих произведениях XX века «представление об обряде инициации достаточно “естественно” используется как мифологическое моделирование “романа воспитания”, поскольку исторически инициации и были древнейшей формой “воспитания”, подготовки юноши к участию в хозяйственной, военной и религиозной жизни взрослых членов племени»⁵. Современные исследователи, проследив эволюцию романа инициации, отмечают, что такая жанровая разновидность исходит от романа воспитания, а современный роман инициации, принадлежащий к массовой литературе, является модифицированным вариантом романа воспитания.

Французский мыслитель и метафизик Рене Генон отрицает мистическую сущность инициации, любое общение с «высшими силами», отделяя инициацию от эзотерических практик: «Любая инициационная реализация является, таким образом, чисто “внутренней”, в отличие от “выхода из себя” или экстаза в собственном и этимологическом смысле слова»⁶. Инициация, как «второе

¹ Е.М. Мелетинский. *Поэтика мифа*. 3-е изд., репринтное. Москва: Восточная литература, 2000, с. 282.

² В.Я. Пропп. *Исторические корни волшебной сказки*. Научная ред., текстологический комментарий И.В. Пешкова. Москва: Лабиринт, 2000.

³ Е.М. Мелетинский. *Поэтика мифа*. ..., с. 282.

⁴ Е.М. Мелетинский. *Средневековый роман. Происхождение и классические формы*. Москва: Наука, 1983, с. 76.

⁵ Е.М. Мелетинский. *Поэтика мифа*. ..., с. 313.

⁶ Р. Генон. *Заметки об инициации* [В:] *Кризис современного мира*. Москва: Эксмо, 2008, с. 160.

рождение», не может быть осуществленной самостоятельно, а инициационные знания нельзя передать другому, как и любые знания в традиционном смысле слова. Будущему неوفиту можно только помочь, указав на методы инициации и его поддержав. Польский этнолог Бронислав Малиновский отмечал, что в обрядах инициации важными являются прежде всего их образовательные и интеграционные функции⁷: инициированный должен получить полезное знание и, вернувшись обратно в сообщество, стать одним из его полноправных членов.

Инициация в этнографическом контексте означает обряд посвящения, а в более широком смысле, который используется в нашей статье, — это переход, в результате которого человек (персонаж) меняет свой социальный статус и входит в определенное окружение или общественную среду. Такое понимание близко юнгианской интерпретации: инициирование возникает тогда, когда человек отказывается подчиняться естественным инстинктам, открывая в себе способность двигаться по направлению к собственному сознанию. Совокупность инициационных обрядов и устных наставлений имеет целью радикально изменить религиозный и социальный статус неовита, который входит в мир человеческий и мир духовный⁸.

В 1908 году французский этнограф и фольклорист Арнольд ван Геннеп впервые предложил классификацию так называемых обрядов перехода: обряды отделения, обряды промежуточные и обряды включения. Обряд инициации, который предусматривает привлечение человека к определенному обществу — возрастному или «тайному», он причислил к группе промежуточных. Инициация — это всегда переход к новому пространству, часто путешествие, подлинное или мнимое, за пределы своего дома, семьи (рода, клана) в другой мир, который является сакральным. Противоположные обряду инициации обряды изгнания, исключения и отлучения являются обрядами отделения и десакрализации⁹. По ван Геннепу, структуру инициации составляют несколько этапов. Первый этап, сепаративный, — отделение индивида от социальной группы, к которой он принадлежал ранее. Лиминальный этап — это этап испытаний и пограничных ситуаций. Во время заключительного этапа, восстановительного, герой возвращается к своей социальной группе в новом статусе.

Учитывая то, что обряд инициации является существенным для романа воспитания, в частности для рассматриваемых произведений Свидницкого, Нечуя-Левицкого, Келлера и Фонтане, типологическое сопоставление аспектов этого художественного функционирования проводится, как мы уже отмечали, исходя из идей антропологов, исследовавших мифопоэтику и ритуальную символику. В романах Свидницкого, Нечуя-Левицкого, Келлера и Фонтане инициация не сводится только к изображению испытаний человека в пограничных ситуациях

⁷ Б. Малиновский. *Избранное. Динамика культуры*. Перевод с англ. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2004, с. 58.

⁸ Р.П. Ефимкина. *Пробуждение Спящей Красавицы. Психологическая инициация женщины в волшебных сказках*. Санкт-Петербург: Речь, 2006, с. 20.

⁹ А. ван Геннеп. *Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов*. Перевод с франц. Москва: Восточная литература, 1999, с. 105.

или воспроизведению древних обрядов. Мотив инициации формирует сюжет произведений, и, повторим, изначально влияет на формирование характера главных героев, которые во время прохождения этого ритуала изменятся внутренне.

Рассмотрим, каким образом этапы инициации, определенные ван Геннепом, становятся сюжето- и жанротворными единицами в исследуемых романах. Первый этап, как уже было отмечено, предусматривает отделение индивида от привычной социальной среды. В романе *Люборацкие* Свидницкого этот процесс связан с началом обучения Антося и Маси — дети покидают родной дом, чтобы приобрести знания и жизненный опыт. К несчастью, заведения, в которых они получают образование, слишком несовершенно, а их воспитатели не могут считаться инициаторами — людьми, которые направляет посвящаемого на истинный путь. Так, псевдознания, полученные братом и сестрой, не открывают перед ними занавес мудрости. Учителя иницируют неумело, пренебрегая талантами и способностями учеников. Масю, например, воспитывает бывшая панская содержанка, которая по воле шляхты ополячивает украинских детей¹⁰.

Фактически, наставники сами создают трудности, а потом уходят, оставляя учеников на произвол судьбы. Основной фактор такой ложной инициации — это предположение, что унижения сделают неофита сильнее. В романе Свидницкого прослеживаем, как постоянное чувство стыда, постоянная травля деформирует в Антосе и Маса то, что Генон называл первичной материей. Учителя занимаются только соблюдением процедуры посвящения, а то, какие изменения происходят в душах учеников, их не волнует, как и не беспокоит их дальнейшая судьба. Настоящих инициаторов Антось и Маса на своих жизненных дорогах так и не встретят. Пытаясь действовать в соответствии с приобретенными ритуальными практиками в масках священника и польской дворянки, они терпят поражение. Неполучение Антосем прихода понимаем, учитывая трактовку современных антропологов, как ритуал перехода¹¹.

Такие же невежественные наставники с претензией на ученость «обучают» Дашковича и Радюка¹². Но оба персонажа Нечуя-Левицкого становятся на путь самоинициации, активно удовлетворяя свои духовные запросы. Они возвращаются домой в новом статусе, однако в родной среде чувствуют себя теперь некомфортно. Оба стремятся вернуться туда, где получили знания, — в Киев. И если Дашкович адаптируется к правилам сообщества, принимает его, неуклонно придерживается закреплённой репутации образцового и благонадежного профессора, то Радюка заставляют покинуть общину, он не становится «своим» и даже считается опасным для общества. Радикальное отклонение от норм, заложенных во время учебы в академии, принимается как угроза для

¹⁰ А. Свидницкий. *Роман. Оповідання. Нариси*. Ред. П.П. Хропко. Київ: Наукова думка, 1985, с. 66–67.

¹¹ К. Вульф. *К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал*. Перевод с нем. Г. Хайдаровой. Санкт-Петербург: Интерсоцис, 2009, с. 50–51.

¹² І.С. Нечуй-Левицький. *Хмари* [В:] І.С. Нечуй-Левицький. *Твори*. Упоряд. Н.Є. Крутікової. Т. 1. Київ: Дніпро, 1988, с. 111.

главных принципов государственности¹³. Пробыв некоторое время в столице Российской империи, пройдя с честью и это испытание, Радюк делает еще одну попытку вернуться в киевское общество. И снова его не воспринимают, смотрят с отвращением как на носителя заразы — европейских либеральных идей. Радюк опять-таки оставляет Киев, чтобы переехать на окраину империи — на Кавказ.

В своей, внешне вполне демократической школе Зеленый Генрих замечает похожее пренебрежение особенностями формирования внутреннего мира учащихся. Учителя (в прошлом духовники) подходили к вопросам преподавания как дилетанты, а светские педагоги-«профессионалы» применяли множество различных приемов и методов, которые, впрочем, были неэффективными: «Hieraus ergab sich als Hauptübel überdies eine ungleiche und unsichere Behandlung der Jugend und die Möglichkeit jener wunderlichen Katastrophen und Abenteuer, deren Opfer bald der Lehrer, bald der Schüler wurde»¹⁴.

Ученики из семей так называемого «благородного происхождения» вступают в открытую конфронтацию с учителем, который, по слухам, намерен воспитывать их чрезвычайно строго. Наставнику не хватает мужества отстоять свой авторитет, он проявляет слабость, руководство школы демонстрирует равнодушие, потворствуют затянувшемуся конфликту и родители учеников. Итак, нивелирована основная роль инициации: «Таинство посвящения шаг за шагом открывает перед неопитом истинные изменения существования, вводя его в мир высокого и обязывая взять на себя ответственность быть человеком»¹⁵. Конфликт между учениками и учителями, который будет иметь несправедливые и жестокие последствия для Генриха, спровоцирован взрослыми людьми, которые пренебрегают важностью инициационного процесса и незаслуженно выбрасывают из него ребенка, ведь некому защитить сироту. Генрих снова попадает в обряд инициации, в котором теперь не существует определенных правил, но есть множество испытаний и инициаторов — ложных и правдивых. К последним относим графа, открывшего перед Генрихом учение Людвига Фейербаха, и Юдит, которая пробуждает в нем жажду жизни и становится верным другом. В конце концов, неопит Генрих в новом и высоком статусе находит признание в родном городе — инициированный становится равноправным членом общества, куда его с радостью принимают¹⁶.

Юдит сама предлагает Генриху вступить с ней в половую связь. Это — итог инициации героя романа воспитания. Борис Парникель замечал, что обряд

¹³ Там же, с. 360–361.

¹⁴ G. Keller. *Der grüne Heinrich. Roman*. Düsseldorf: Albatros Verlag, 2006, с. 133–134.

¹⁵ М. Элиаде. *Священное и мирское*. Перевод с франц., предисловие и комментарий Н.К. Гарбовского. Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 1994, с. 119.

¹⁶ С.Л. Невелева. *О композиции древнеиндийского эпического текста в связи с архаическими обрядовыми представлениями [В:] Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках*. Москва: Наука, 1988, с. 137.

инициации, главная форма племенного культа у многих народов мира, давал юноше, который успешно его прошел, право вступить в брак¹⁷.

Было бы ошибочным при анализе обрядов инициации в произведениях не учитывать гендерный фактор, который является существенным. Как мы уже говорили, ван Геннеп определил три этапа обряда инициации: выделения из родной среды или группы, изоляция и возвращение в сообщество. Все три этапа переживает Эффи из романа Фонтане. Сначала она соглашается выйти замуж, имея слишком смелое представление о браке и о счастливой семье:

Ich bin ... nun, ich bin für gleich und gleich und natürlich auch für Zärtlichkeit und Liebe. Und wenn es Zärtlichkeit und Liebe nicht sein können, weil Liebe, wie Papa sagt, doch nur ein Papperlapapp ist (was ich aber nicht glaube), nun, dann bin ich für Reichtum und ein vornehmes Haus, ein ganz vornehmes, wo Prinz Friedrich Karl zur Jagd kommt, auf Elchwild oder Auerhahn, oder wo der alte Kaiser vorführt und für jede Dame, auch für die jungen, ein gnädiges Wort hat. Und wenn wir dann in Berlin sind, dann bin ich für Hofball und Galaoper, immer dicht neben der großen Mittelloge¹⁸.

После бракосочетания Эффи уезжает из родного города — это аналогично инициации зрелости, когда инициированный вынужден расставаться с семьей. Такую же инициацию зрелости, как уже отмечалось, видим и в романах Нечуя-Левицкого (Радюк и Дашкович оторваны от родной земли), Свидницкого (Антось и Маса учатся далеко от дома), Келлера (Зеленый Генрих приобретает мастерство в Германии). В вынужденном пребывании героев далеко от родного дома находим подтверждение слов Мелетинского: «инициация — это отделение от матери, от мира женщин и детей и переход в мужское общество, это наступление взрослости, приобретение зрелости и мудрости, это серия испытаний...»¹⁹.

Элиаде заметил, что инициация зрелости требует определенного набора операций, полных драматизма. В исследуемых произведениях этот набор разный, но служит общей цели: показать путь перехода инициированного от естественного существования (здесь — жизнь в кругу родных) к культурному образу жизни, то есть, по словам Элиаде, переход к духовным ценностям²⁰. Но после прохождения ритуала перехода — бракосочетания — Эффи попадает в фактическую изоляцию и лишена всех радостей жизни. Роскошный дом превращается в ужасную золотую клетку, испытание без надежды на лучшее будущее. После несоблюдения требований ритуала брака — адюльтера — Эффи выгоняют не только из семьи, но и из родительского дома. Она попадает в новую клетку — маленькую квартиру в Берлине. Эдмунд Лич замечал, что неизменным атри-

¹⁷ Б.Б. Парникель. *Относительно полисемантической малайско-язычной «Повести о санг Боме»* [В:] *Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Пропта (1895–1970)*. Сост. Е.М. Мелетинский и С.Ю. Неклюдов. Москва: Наука, 1975, с. 276.

¹⁸ Th. Fontane. *Effi Briest. Roman*. Köln: Anaconda Verlag GmbH, 2005, с. 29–30.

¹⁹ Е.М. Мелетинский. *Средневековый роман. Происхождение и классические формы*. Москва: Наука, 1983, с. 77.

²⁰ М. Элиаде *Ностальгия по истокам*. Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2006, с. 143–145.

бутом так называемых промежуточных обрядов является насильственное заточение объекта инициации, у которого отнимают его привычную домашнюю среду²¹.

В письме от родителей, переполненном бессмысленными стереотипами, изложены жестокие правила новых испытаний²². Это письмо символизирует совершение акта жертвоприношения: за нарушение правил сожития женщину выгоняют из родного сообщества, ее фактически проклинают, у нее отобрано имя. Эффи предлагают остановиться в Берлине — в письме город является символическим убежищем для тех, кто не заботился о своем «честном имени» и теперь должен нести наказание. Как справедливо напоминает французско-американский антрополог и философ Рене Жирар, жертвоприношение — это всегда акт коммуникации между теми, кто приносит жертву, и «божеством», которое является мнимым и поэтому находится лишь в воображении²³. Те, кто приносит жертву, не осознают насилия, которое совершают — «божество», а в нашем случае это набор типичных правил поведения, помогает избавиться от мыслей о ложности стереотипов, подпитывая представления о «правильности» социального строя. Изгнание Эффи и добровольное заточение напоминает одну из форм аскезы, которая является непременным атрибутом даже самых примитивных религиозных практик²⁴.

Ритуальное «воцарение» инициированного, который проходит все испытания и возвращается после духовного воскрешения в родную общину, наблюдаем только в романах Келлера и Нечуя-Левицкого. Зеленый Генрих и Дашкович соглашаются с той системой культурных ценностей, которую им предлагает общество, и поэтому занимают в нем определенную нишу. В конце всех испытаний инициированные Зеленый Генрих, Дашкович и Радюк становятся «старейшими» и полноценными членами общества, женившись и создав собственные семьи (в случае с молодыми Люборацкими — неудачная инициация обусловлена ошибочным избранием партнеров). После завершения инициации все герои романов воспитания делают попытки вернуться в свой социум или тот социум, с которым себя идентифицируют. Антось, Мася, Радюк и Эффи изгнаны из родной среды и, даже пройдя ритуал возвращения, не становятся «своими». Таким образом, обряд инициации, сознательно или подсознательно показанный в исследуемых романах, помогает глубже понять сущность духовного перерождения или вырождения героев, которые вынуждены пройти путь созданных наставниками или обществом испытаний.

²¹ Э.Р. Лич. *Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии*. Перевод с англ. И.Ж. Кожановской. Москва: Восточная литература, 2001, с. 96.

²² Th. Fontane. *Effi Briest: Roman*. Köln: Anaconda Verlag GmbH, 2005, с. 234.

²³ Р. Жирар. *Насилие и священное*. Москва: Новое литературное обозрение, 2000, с. 13.

²⁴ Э. Кассирер. *Философия символических форм*. Т. 2: *Мифологическое мышление*. Москва — Санкт-Петербург: Университетская книга, 2002, с. 232.

Литература

- Вульф К. *К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал*. Пер. с нем. Г. Хайдаровой. Санкт-Петербург: Интерсоцис, 2009.
- Геннеп А. ван. *Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов*. Перевод с франц. Москва: Восточная литература, 1999.
- Генон Р. *Заметки об инициации* [В:] *Кризис современного мира*. Москва: Эксмо, 2008, с. 140–440.
- Ефимкина Р.П. *Пробуждение Спящей Красавицы. Психологическая инициация женщины в волшебных сказках*. Санкт-Петербург: Речь, 2006.
- Жиран Р. *Насилие и священное*. Москва: Новое литературное обозрение, 2000.
- Зборовська Н.В. *Психоаналіз і літературознавство*. Київ: Академвидав, 2003.
- Кассирер Э. *Философия символических форм*. Т. 2: *Мифологическое мышление*. Москва — Санкт-Петербург: Университетская книга, 2002.
- Лич Э.Р. *Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии*. Перевод с англ. И.Ж. Кожановской. Москва: Восточная литература, 2001.
- Лорд А.Б. *Сказитель*. Перевод с англ. и комментарий Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. Москва: Восточная литература, 1994.
- Малиновский Б. *Избранное. Динамика культуры*. Перевод с англ. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2004.
- Мелетинский Е.М. *Поэтика мифа*. 3-е изд., репринтное. Москва: Восточная литература, 2000.
- Мелетинский Е.М. *Средневековый роман. Происхождение и классические формы*. Москва: Наука, 1983.
- Невелева С.Л. *О композиции древнеиндийского эпического текста в связи с архаическими обрядовыми представлениями* [В:] *Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках*. Москва: Наука, 1988, с. 128–160.
- Нечуй-Левицький І.С. *Хмари* [В:] І.С. Нечуй-Левицький. *Твори*. Упоряд. Н.Є. Крутікової. Т. 1. Київ: Дніпро, 1988, с. 103–429.
- Парникель Б.Б. *Относительно полисемантической малайско-язычной «Повести о санг Боме»* [В:] *Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895–1970)*. Сост. Е.М. Мелетинский и С.Ю. Неклюдов. Москва: Наука, 1975, с. 275–292.
- Пропп В.Я. *Исторические корни волшебной сказки*. Научная редакция, текстологический комментарий И.В. Пешкова. Москва: Лабиринт, 2000.
- Свидницький А. *Роман. Оповідання. Нариси*. Ред. П.П. Хропко. Київ: Наукова думка, 1985.
- Элиаде М. *Ностальгия по истокам*. Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2006.
- Элиаде М. *Священное и мирское*. Перевод с франц., предисловие и комментарий Н.К. Гарбовского. Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 1994.
- Fontane Th. *Effi Briest: Roman*. Köln: Anaconda Verlag GmbH, 2005.
- Keller G. *Der grüne Heinrich: Roman*. Düsseldorf: Albatros Verlag, 2006.